

по следам громких дел

Татьяна Степанова — подполковник полиции, потомственный следователь с престижным юридическим образованием, поэтому в ее книгах следствие ведут профессионалы.

Из-под пера автора вышло 40 романов, проданных суммарным тиражом более 8 миллионов экземпляров.

Права на издание детективов Татьяны Степановой проданы в Германию и Польшу.

По книгам «Готическая коллекция» и «Темный инстинкт» сняты телевизионные фильмы.

Главную роль в последнем исполнила Любовь Казарновская. Романы писательницы позволяют читателю побывать в литературной «комнате страха».

Таинственные убийства, почти осязаемая атмосфера преступления, томительное и тревожное ожидание чего-то неведомого, пугающего...

**Читайте классические детективы Татьяны Степановой,
написанные по всем законам жанра:**

В моей руке – гибель
Звезда на одну роль
Венчание со страхом
Прощание с кошмаром
Темный инстинкт
Все оттенки черного
Зеркало для невидимки
Врата ночи
На randevу с тенью
Улыбка химеры
Готическая коллекция
Ключ от миража
29 отравленных принцев
Флердоранж – аромат траура
Молчание сфинкса
Родео для прекрасных дам
Дамоклов меч над звездным тронem
Рейтинг темного божества
Прощай, Византия!
Сон над бездной
Царство Флоры
Предсказание – End
Драконы ночи
Black & Red
Пир на закате солнца
Три богини судьбы
ДНК неземной любви
Душа-потемки
Тот, кто придет за тобой
Демоны без ангелов
Валькирия в черном
Когда боги закрывают глаза
Девять воплощений кошки
Яд-шоколад
Невеста вечности
Колесница времени
Падший ангел за левым плечом
Призрак Безымянного переулка
Пейзаж с чудовищем
Грехи и мифы Патриарших прудов
Созвездие Хаоса
Часы, идущие назад
Светлый путь в никуда
Умру вместе с тобой
Циклоп и нимфа
Последняя истина, последняя страсть
Перекресток трех дорог
Имеющий уши, да услышит
Великая иллюзия

ВЕЛИКАЯ
ИЛЛЮЗИЯ

ТАТЬЯНА
СТЕПАНОВА

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *А. Антонова*

Литературный агент *Ольга Рубис*

Дизайн обложки *Е. Петровой*

Степанова, Татьяна Юрьевна.

С79 Великая иллюзия / Татьяна Степанова. — Москва : Эксмо, 2022. — 384 с. — (По следам громких дел. Детективы Т. Степановой).

ISBN 978-5-04-165235-7

Женщина-факир Мегалания Коралли могла загипнотизировать целый зал зрителей, заставить львов напасть на дрессировщика, и еще много всего... Недаром к ней тайком ездили жены членов политбюро. Но главным желанием Великой Мегалании было найти преемника, которому она должна была передать сокровенные знания. Поэтому-то она и собирала вокруг себя талантливых детей-воспитанников, чтобы суметь разглядеть дар, подобный ее собственному. И каждый из них пытался доказать и ей, Великой, и себе, что он и есть тот самый — уникальный... Даже спустя много лет, уже во взрослой жизни, это соперничество не прекращалось.

В подмосковном дачном поселке найдена убитой успешная деловая женщина Регина Гришина. То, как было совершено и обставлено преступление, сразу навело на мысли криминального обозревателя Екатерину Петровскую и полковника Гектора Боршова, что дело это весьма загадочное и совсем не простое. А таинственные и зловещие предметы, найденные в доме жертвы, лишь подтверждали догадки...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-165235-7

© Степанова Т. Ю., 2022

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Глава 1

ЧЕТВЕРТЫЕ

Берлин, 1927 год

— Вы вся дрожите, милая Мари. Позвольте предложить вам бокал шампанского.

Аделаида отвернулась от окна, за которым сияла огнями Потсдамская площадь, подошла к сервировочному столику и налила шампанского в бокал. Она все еще не сменила цирковой наряд — длинное, в пол, платье, расшитое блестками, и серебряная тиара с белым пером страуса. С ее полных плеч свисало боа, подобное сверкающей змее.

Когда Мария Кораллова пила шампанское, ее зубы стучали о край хрустального бокала. Она до сих пор находилась в шоке от того, что случилось в знаменитом берлинском цирке Пауля Буша всего час назад на ее глазах.

В страхе она выбежала из цирка в октябрьскую берлинскую ночь — без пальто, без шляпки, без мужа — тот остался в цирке. Возможно, он даже и не попытался ее разыскать в тот момент, когда публика вскочила с мест и ринулась к выходам, насмерть перепуганная начавшимся кровавым кошмаром на манеже за прутьями крепкой решетки. Хотя нет, все произошло не так уж быстро — паника, бегство... Какое-то время они все — и зрители, и цирковые за кулисами — пребывали в ступоре, в полном оцепенении, не в силах оторвать глаз от арены.

Возле служебного циркового входа остановился мотор. За рулем была сама Аделаида, она молча открыла дверь, и Мария покорно забралась в роскошный «Роллс-Ройс».

Аделаида привезла ее в гранд-отель «Эспланада» на Потсдамской площади. Она снимала в бельэтаже длинную анфиладу комнат. Рядом находились апартаменты кинозвезды Греты Гарбо. В честь премьеры ее нового фильма вечером в саду знаменитой «Эспланады» собирались устроить вечеринку с джазом и танцами. Но все смешалось, едва лишь телеграфное агентство и радио Берлина передали страшную новость о происшествии в цирке Пауля Буша.

— Они скажут потом — он сам виноват. — Аделаида пристально глядела на Марию Кораллову. — Они заявят: он совершил фатальную ошибку, выпустил свою тринадцатую. А у львицы этой как раз началась течка. Кто же выводит такую львицу к львам-самцам на манеж? Он добивался совершенства номера, наш укротитель Анделотти, вопреки всем цирковым правилам, да? — Она помолчала. — Вопрос только — что его заставило поступить столь опрометчиво?

Мария Кораллова вспомнила, как за кулисами цирка помощники укротителя Анделотти, выстроившие из клеток туннель, по которому на манеж шествовали одиннадцать львов и старая самка, выпущенные для выступления, сначала недоуменно переглядывались, а затем начали роптать, потом кричать, указывая в глубь львятника, где возился с ключами сам укротитель. Там в дальней клетке сидела отлученная от прайда тринадцатая львица.

Номер со львами делал сумасшедшую кассу цирку Буша. Однако даже цирковые артисты, много повидавшие на своем веку, открыто осуждали крайне жестокие методы дрессировки Анделотти, которыми он «укрошал» львов, приводя их к повиновению. Животных он запирали в тесных клетках, бил нещадно дубинкой, хлестал бичом. Его помощники часами поливали львов из брандспойта, приучая бояться и палки, и хлыста укротителя, и холодной воды. «Звезда программы» был законченным садистом. И все в цирке это знали.

— Что вы делаете, Анделотти? — тревожно спросил прибежавший на шум распорядитель манежа. — Вы что, забыли, какая она? Это нельзя, невозможно! Это опасно!

Укротитель Анделотти оттолкнул его. Мария видела, как он побледнел. Черная полоска щегольских усов... Взгляд...

Он сам подкатил клетку к железному туннелю, закрепил ее и открыл задвижку. Тринадцатая львица побежала в сторону манежа. А он вошел в туннель вслед за ней. Оглянулся...

Его глаза... Он смотрел в сторону двери. На пороге львятника стояла Аделаида. На плече ее сидел цирковой ученый ворон.

В тот миг Мария Кораллова испытала дикий, почти первобытный страх. Причину его в тот момент она не могла себе объяснить.

На манеже ждали львы. Цирковой барабан ударил дробь. Публика аплодировала, когда укротитель Анделотти с бичом и палкой вышел из туннеля клеток. Номер начался эффектно. Дрессированные львы забрались на поставленные пирамидой тумбы. Укротитель шагнул к зверям и оказался в центре прайда. Его коронный номер — «Один среди львов». Львы сидели над ним на высоких тумбах, лежали у его ног, окружали его со всех сторон. Слева помещалась на тумбе та самая львица. Львы возбужденно принюхивались к ней, скалили клыки. И внезапно...

Лежавший у ног укротителя гривастый могучий лев вдруг перевернулся на спину и словно играючи захватил когтями сапоги Анделотти, потянул, пружинисто прынул вверх и вцепился прямо в живот укротителя.

Львы сразу напали на них обоих.

Кровавый клубок покатился по манежу.

Опрокинутые тумбы...

Истерические крики зрителей.

Львиное рычание...

Заполoshные холостые выстрелы из пистолетов помощников... Даже они не смогли заставить львов разбежаться. Не помогли и пожарные брандспойты.

В кровавом клубке на арене мелькали гривы, хвосты, лапы, ощеренные пасти, когти...

Мелькнуло, как в волнах, растерзанное тело с торчащими из алой венгерки сломанными, перекушенными ребрами...

Тринадцатая львица вырвалась из клубка, унося в пасти ногу в охотничьем сапоге...

— Не жалеите укротителя. Он был настоящий живодер. Черное сердце, как говорят у нас в цирке. Но вы, Мари, сами-то поняли, что произошло сегодня на манеже? — спросила Аделаида.

Перед глазами Марии всплыла картина — как они вошли в гранд-отель «Эспланада». В мраморном холле у стойки висели афиши. Самая яркая и кричащая изображала ее, Аделаиду Херманн, в костюме одалиски, с воздетой над головой рукой, сжимающей кривой ятаган. Рядом обезглавленное женское тело — на коленях с протянутыми в мольбе руками. Отсеченная женская голова на пьедестале. Нежная довольная улыбка на мертвых (или живых?) губах. Сверху среди гирлянд и цирковых огней парит скелет с зеленым венком.

Кого он собрался увенчать лаврами?

Надпись: Аделаида Херманн. Женщина-факир. Великая магия. Спешите видеть!

— Я не знаю, что вам ответить, Аделаида, — произнесла Мария. — Я боюсь ошибиться. И страшусь даже предположить...

— А вы не бойтесь, милочка.

Они говорили по-французски. Мария с гимназических времен отлично знала этот язык, Аделаида Херманн владела им как родным. Кажется, она была англичанка, но, как знала от мужа Мария, большую часть жизни провела

в Америке. Впрочем, Аделаида говорила и по-немецки как немка, и по-итальянски как итальянка. И на венгерском, и на иврите. И с цыганами могла поддержать беседу на их языке. И читала тексты на латыни и староарамейском.

В холле гранд-отеля «Эспланада» возле ее афиши ждал штурмовик в коричневой форме — высокий блондин с военной выправкой.

— Вальтер, не сейчас, приходите в другой раз, сегодня я занята, — бросила ему Аделаида Херманн, ведя оробевшую Марию Кораллову к лифтам. И он кивнул, шелкнул каблуками по-военному.

— Вальтер Штеннес, — сказала Аделаида в лифте Марии. — Далеко пойдет парень... Милочка, вы тоже будьте готовы, что *такие, как он и ему подобные*... я имею в виду политиков, фанатиков, секретных агентов и просто авантюристов с большими амбициями... Они станут потом приходиться и к вам. Просить вас, намекать, даже требовать... Ну если все же вам суждено ступить на наш общий путь.

Сейчас в номере с окнами на Потсдамскую площадь, наблюдая за потрясенной Марией, Аделаида Херманн словно заново оценивала ее, оглядывая с головы до ног. Она как будто выбирала, прикидывала, рассчитывала что-то в уме.

— Вы когда-нибудь слышали о Четвертых? — спросила она.

— Нет. — Мария поставила пустой бокал на столик у дивана. Шампанское ударило ей в голову.

— А про апостола Симона Зилота знаете?

— Да, читала в детстве Писание. Мой отец был священником. Архиереем.

— Как интересно. А вы, дочь священника, начали карьеру в кордебалете?

— Я сбежала из дома в пятнадцать лет. Бросила гимназию. Поступила в Петербурге в кафешантан. Я выступала на

«Вилле Роде», был такой знаменитый ресторан с эстрадой до революции у нас... там, в Петрограде.

— Да, вы мне говорили в прошлую нашу встречу год назад в Гамбурге. Вы с мужем познакомились на эстраде?

— На «Вилле Роде», он выступал с номерами как иллюзионист.

— Ваш муж — дальний родственник покойного Пауля Буша, тот мне сам говорил, ревельская родня. Ваш супруг ведь немец? Он не вернется назад в Советскую Россию? Он уехал... точнее, бежал от чекистов и большевиков.

— Я не интересуюсь политикой. А муж... нет, он не вернется. Он меня фактически бросил. У него другая женщина. Он останется в Германии с ней. А мне надо возвращаться домой. Я здесь одна уже не заработаю на кусок хлеба. Мне двадцать девять, я стара для кабака. А в цирке... с сегодняшнего дня я, кажется, ненавижу его.

— Муж вас разлюбил, Мари? — Аделаида Херманн подошла близко, протянула руку и коснулась ее щеки. — А вы ведь его спасли, как мне рассказывал Пауль Буш. Тот поединок в Петербурге... Говорят, самая последняя дуэль в России перед тем, как большевики совершили свою революцию. Ваш муж, цирковой артист, фокусник... он тогда ходил еще в женихах, схватился за пистолет... Тот второй дуэлянт — адъютант великого князя... Буш говорил мне, что на месте адъютанта должен был быть сам князь, однако, конечно, это невозможно... Стреляться члену царской фамилии из-за девчонки из кафешантана. Адъютант был меткий стрелок, он бы убил вашего жениха с первого выстрела. Но там ведь что-то случилось, Мари? Там, на берегу Финского залива. Вы же приехали на место дуэли, примчались в страхе за своего жениха. Адъютант стрелял в него, а попал в своего секунданта, который стоял в трех шагах, почти рядом. Станный какой выстрел, пуля изменила направление почти под углом в девяносто градусов и вернулась...

Мария Кораллова молчала.

— Вы ведь знаете о Ловцах пуль. — Аделаида Херманн усмехнулась.

— Вы сами Ловец. Муж рассказал мне, как вы делали номер в молодости. В Чикаго поймали все шесть пуль, повергнув зрителей в шок и трепет.

— Говорят, что в нашей профессии факиров такой номер — как пропуск в некий высший круг посвященных. Тот бедный китаец Чунг Линг хотел сделать как я... Самонадеянный дуралей... Конечно, он погиб. Он ведь не был Четвертым. После его смерти номер запретили в цирках повсеместно. Это нельзя повторить, понимаете? Есть вещи, не поддающиеся ни подражанию, ни профессиональной тренировке. Врожденный дар, либо он есть, либо его нет. У вас, милочка... Ответьте мне откровенно, вы что-то сделали тогда, в сентябре семнадцатого года, на берегу залива, когда ваш жених стрелялся из-за вас, когда пуля вернулась назад, нарушая все законы баллистики?

— Я... нет... да что вы... Нет! — Мария ощутила, как внутри ее загорается свет... огонь — тот самый, дикий, пугающий, властный, опаляющий ее ум и сердце. — Нет, это фантастично и глупо звучит! Невозможно! Я никогда даже не думала... Все вышло случайно!

— Случайно?

Пауза.

— Нынешнюю трагедию в цирке со львами, сожравшими укротителя-живодера, тоже назовут случайностью, — произнесла Аделаида Херманн. — А я говорю вам сейчас — я сделала это для вас. Наглядная демонстрация, милочка.

Мария Кораллова воззрилась на нее.

Страх... ужас... но и восторг. Великое искушение... Почти экстаз. Она знала... нет, конечно, не знала... подозревала, но...

— ЧЕТВЕРТЫЕ. — Аделаида Херманн спустила боа из перьев со своих полных дряблых плеч. — Вам, возможно,

расскажут разный вздор. Не слушайте. Это не имеет никакого отношения к иудаизму. Новые Четвертые идут дальше... Возможно, со временем мы... они уйдут так далеко, что нельзя будет уже вернуться... Или деградируют. Что тоже возможно. Великое искусство подвержено деградации. Но не в вашем случае, Мари.

— Я не могу выразить то, что чувствую сейчас, — честно призналась Мария Кораллова. — У меня просто не хватает слов. Но я... я вами восхищаюсь! Я в полном ужасе, но я восхищаюсь. Я склоняюсь ниц... И я готова... Вы только не считайте меня сумасшедшей, пожалуйста!

— А вы — меня. — Аделаида Херманн мягко и хищно улыбнулась. — Итак, с мужем вы расстаетесь. Любовь, дуэль, чудесное спасение, риск, жертвенность оканчиваются банальной мужской интрижкой на стороне и трусостью. Но вы в результате обретаете полную свободу. В Германии вам, конечно, нечего делать. Скоро здесь иностранцам придется несладко. Грядут большие перемены, Мари. Так что будьте готовы. Ваша жизнь станет иной. Но вам придется сменить имя.

— Сменить имя?

— Я сама вам его выберу. Таков обычай Четвертых. Имя, несущее тайный смысл. Я, например, *Prisca Loricata*¹, потом я вам переведу с латыни... после... Выпейте еще шампанского, вы вся дрожите.

Мария налила себе сама шампанского. Выпила. Снова наполнила бокал — осушила до дна.

— Вечеринку с танцами в саду в честь Греты Гарбо отменили. — Аделаида Херманн взяла ее за руку и повела из гостиной через свою спальню в ванную. — Все репортеры в цирке, газетчики уже подхватили сенсацию о кровавом

---

¹ *Prisca* — древняя, архаичная (*лат.*). *Loricata* — в зоологии обозначает класс рептилий (*лат.*). Можно перевести с латыни как «древний ящер».

ужасе на арене. В гранд-отеле «Эспланада» выпадает на редкость тихий вечер.

Огромная королевская ванная, в которой плескался еще кайзер Вильгельм, поражала роскошью — белый мрамор бассейна, фрески, колонны. Мария вспомнила ванную номера петербургского отеля «Европа», куда после выступления на «Вилле Роде» привез ее великий князь Дмитрий Павлович... Димочка... Ее, бывшую гимназистку и дочку архиерея, тогда поразил весь тот гостиничный шик и блеск...

— Искупайтесь, милочка, согрейтесь, — тоном добродушной тетюшки предложила Аделаида Херманн, открывая кран.

Вода наполняла ванну-бассейн. Мария сняла туфли. Села на банкетку и начала стягивать чулки с ног. Аделаида наблюдала. Потом медленно направилась к выходу. Обернулась на пороге.

— У вас крепкие нервы, Мари? — спросила она.

Мария не успела ответить — дверь ванной уже закрылась.

Она разделась догола, опустилась в горячую воду. Сердце ее глухо билось. Она видела себя в зеркале ванной — обнаженная, хрупкая, темноглазая брюнетка. Она всегда выглядела намного моложе своих двадцати девяти лет. Атласная челка, стрижка, яркая косметика — цирковой макияж.

В ванной внезапно погас свет.

В полной темноте Мария погрузилась в горячую воду... Кап... кап... Вода из кранов... Кап... кап... Шорох...

— Кто здесь? — Мария вглядывалась во тьму.

Как душно... в ванной уже клубился пар от горячей воды.

Шорох...

Она ощутила, как ее снова колотит дрожь. Нет, нет, она не поддастся глупому мороку... магии... Боже милостивый, как же страшно... Но ведь ничего не происходит. Кругом царит тишина...

Тьма...

И во мраке... шшшшорох... шшшш шшшш... Дверь ванной бесшумно отворилась — в полосе света возник силуэт.

Мария смотрела на темную фигуру на пороге.

— Аделаида!

Чирк... спичкой о коробок.

Дрожащий маленький огонек осветил то, что пряталось во тьме.

Голая дряблая плоть. Женские широкие бедра, обвисшие груди, коричневые соски, шея...

— Аделаида!

Огонек спички погас.

Шаги... шлеп... шлеп... Некто в полной тьме шел прямо к ней, застывшей, оледеневшей в горячей ванне. Шшшш...

Плеск... некто осторожно, крадучись забрался в ванну...

Чиркнул спичкой о коробок — они не намокли. Огонек и...

Прямо у своего лица Мария увидела...

Коричневое... сморщенное... морда звериная... лицо... что-то не из нашего мира... нечеловеческое... жуткое...

Не помня себя, она заорала от ужаса. Рванулась из воды. И почувствовала, как цепкая рука сомкнулась на ее горле.

— Не кричи, — прошипел голос Аделаиды Херманн. — Это нельзя прервать. Иначе издохнешь!

Рука давила на шею, Мария ощутила, как ее топят. Последним усилием воли она заставила себя... не сопротивляться. Не бороться, не колотить ногами и руками по воде. Покориться... быть может, даже так встретить свою гибель... отдавая всю себя...

Она сразу ушла под воду с головой, а та, что ее топила, нырнула следом, ее ноги обвились вокруг Марии. Рука отпустила горло. Ее уже обнимали, выталкивали наверх. В полной темноте ванной они вынырнули. Мария хватала воздух ртом, дышала. Горячие руки снова обвились вокруг нее — словно старая хищная наядя поймала ее в свои сети.

Всплеск...

Шепот...

Гортанный клекот — невнятное бормотание на незнакомом языке... Ей что-то повествовали, рассказывали на ухо тайком по секрету... О Четвертых... О тех, что всегда идут дальше. И уже не могут вернуться назад.

Вдруг снова в ванной словно по волшебству зажегся верхний свет. Такой яркий, что стало больно глазам.

Мария Кораллова снова истерически закричала от ужаса. А потом ее крик оборвался.

Глава 2 **ВОРОНЫ**

Наши дни. Подмосковьё

Ворона хрипло зло каркала в небе, затянутом тучами. Велосипедист, бодро кативший утром по лесной дачной дороге к речке, вскинул голову, рискуя угодить колесом в дорожную яму. Ворона выписывала широкие восьмерки в небе. К ней присоединилась другая, и еще одна, и еще. Они взмыли ввысь, четко выделяясь на фоне низких дождевых туч, словно мазки китайской туши, как тайные небесные знаки.

После небывалой летней жары погода в Подмосковьё наконец-то сменилась, тучи напоззли с севера, однако не спешили пролиться дождем. Вороны в небе поднялись еще выше, а затем как по команде спикировали вниз, пронзая свинцовую пелену облаков.

Птиц что-то привлекало.

Велосипедист, несмотря на свой юный возраст, понял это сразу и ощутил прилив любопытства.

Дачная дорога пошла с холма под уклон — к реке. На берегу выстроились коттеджи. А справа от дороги на склоне

холма за высоким забором прятался отдельно выстроенный особняк — видны только крыша да макушки голубых елей, высаженных на участке.

Именно туда с небес, подобно камням, пущенным из пращи, мелькнув в кронах деревьев, буквально упали одна, две... четыре, шесть черных кладбищенских птиц.

Юный велосипедист резко остановился. То, что привлекало воронье со всей округи, находилось за забором на участке. А ворота и калитка — вот они, рукой подать. Велосипедист спешил, подкатил свой транспорт к забору. Он дернул на себя калитку — заперта. И ворота тоже. Глухой подмосковный забор, крашенный суриком — ни щелочки, чтобы взглянуть, что там за ним.

Велосипедист услышал громкое карканье и хлопанье крыльев. В тихий утренний час шум казался чужеродным, зловещим.

— Эй, хозяйева! — громко позвал велосипедист.

Ему никто не ответил. Лишь каркало воронье за забором.

Тогда, движимый неумным любопытством, дерзостью молодости и еще чем-то... возможно, неизвестно откуда взявшимся страхом и желанием задавить его в зародыше, парень примерился, подпрыгнул, подтянулся — и вот он уже на заборе.

Но разглядеть он ничего не смог — все заслоняли деревья и кусты. Участок был ухожен. Птиц велосипедист не видел — просторный двухэтажный дом заслонял весь обзор. Но парень слышал воронье. Оно хрипло каркало и, кажется, дралось там... за домом, за кустами сирени, вьющихся роз, многолетников, пышно разросшихся по всему участку с подстриженной травой.

Велосипедист спрыгнул на землю, оглянулся на запертые ворота. Достал мобильный телефон, включил камеру и медленно двинулся вперед. За углом дома он сначала увидел маленький декоративный пруд и горбатый деревянный мостик, потом беседку, кусты и...

Садовые металлические кресла опрокинуты, их мягкие подушки упали в пруд. Возле вечнозеленых туй — большой деревянный стол, покрытый бумажной скатертью, разорванной в клочья. Бумажные полосы колыхались от утреннего ветра. Среди посуды по столу расхаживали, как хозяева, черные вороны — подскакивали, хлопали крыльями, клевали что-то с тарелок, сверкали агатовыми бусинами глаз.

А на траве у стола нечто похожее на шевелящийся черный шар... клубок...

Велосипедист замер, выбросив вперед руку с мобильным — камера его все снимала.

Шум... хлопанье крыльев, перья, пух...

Огромная стая птиц, облепившая нечто лежащее в траве, напуганная видом человека, оторвалась от своего страшного пира и взлетела.

Вороны, вороны...

Велосипедист выронил мобильный, согнулся, закрыл лицо скрещенными руками — он испугался, что птицы нападут на него, как в старом жутком фильме Хичкока.

Каркая, хрипя, галдя, стая взмыла в небо и закружила над участком.

Но много птиц осталось на земле. Некоторые были уже дохлые. Другие умирали, дергаясь в предсмертной агонии, колотя крыльями о траву.

Среди птичьих трупов покоилось мертвое тело.

Лицо было изуродовано, расклевано вороньем.

Мертвец смотрел на велосипедиста черными провалами глазниц.

Окровавленные руки с израненными расклеванными ладонями, словно со стигматами.

У ножки стола что-то белело. Женская льняная шаль... Темные кровавые пятна багровели на ткани, подобно сожженным зноем полевым макам.

Глава 3
СИЯЮЩИЙ ОГНЯМИ

Накануне

Некоторые события происходят одновременно, заставляя нас гадать — совпадение это либо некий знак, а может, подарок небес и намек на грядущее. Вроде бы трудно поверить, но попытаться все же стоит. Однако лишь жизнь покажет, как все сложится дальше. Будет ли путь легким или трудным и где впереди ждут крутые повороты, тернии и шипы.

Первый после небывалой жары, опалившей Москву, августовский вечер, когда можно наконец отключить все кондиционеры в квартире, распахнуть балконную дверь с видом на Москву-реку и Нескучный сад и вдохнуть полной грудью ветер, насыщенный запахами уже пролившихся где-то далеко дождей и пыли...

Стоя на балконе в льняной майке, таких же шортах и развевающимся на ветру льняном кимоно, Катя читала свидетельство о разводе, которое получила днем. Хотелось пустить лист по ветру — лети, лети, лепесток, через запад на восток... лишь коснешься ты земли... воды... стань корабликом на Москве-реке.

Ну вот и все. Они закончили с Драгоценным общую жизнь, свою историю. Он простил ее и отпустил. Простил ей все, в чем она была перед ним виновата. А ей не в чем винить его, она давно уже поклялась не высчитывать, не вспоминать его ошибки и промахи. Теперь все уже не важно. Драгоценный отпустил ее, дал ей свободу и даже ничего не забрал, только приумножил то, что когда-то у них было общее. Не только в смысле денег на жизнь... Хотя и в этом он остался щедр и добр. Когда-то она не знала,

куда деться, куда спрятаться от его великодушия. Но теперь эта страница жизни окончательно перевернута. А что впереди?

Она вернулась в комнату, выдвинула ящик комода и аккуратно положила свидетельство о разводе к остальным документам.

Включила очиститель и увлажнитель воздуха в спальне. Обычная вечерняя рутина. Пошла на кухню, налила себе холодного чая с мятой и лаймом из кувшина. Шлепая босыми ногами по полу, прошествовала в холл и отодвинула дверь гардероба.

Чистый минимализм в остатке. Кричащий надменный холодный минимализм. Черное, белое, синее. Деловые костюмы, белые хлопковые рубашки, черные шелковые рубашки, брюки, брюки, джинсы, лен, дорогой кашемир, шелковое белье... В глубине сиротливо висела косуха. В углу скукожились замшевые ботфорты, потонув в море туфель на шпильке. Высокие каблуки... Она всегда их любила, хотя не нуждалась в том, чтобы прибавить себе роста.

Глянула на себя искоса в зеркало. Некая новая личность... незнакомка. Волосы, распущенные по плечам, длинные ноги. Она похудела. Несмотря на полторамесячную жару, совсем не загорела на солнце. В последнее время даже сотрудники пресс-службы подмосковного Главка полиции, где она работала криминальным обозревателем, днями и неделями сидели на удаленке, писали статьи дома, отсылая их по электронке, и лишь в экстренных случаях выезжали на места событий.

Многие вещи теперь просто потеряли свою цену, стали не нужны. Шастаешь босая по квартире с закрытыми от солнца жалюзи в шортах и майке и сочинишь статью о грабеже в особняке в Лайково, совершенном гастарбайтерами, которые не признают ни локдаунов, ни пандемий. Причем пинешь не за столом, а сидя как йог на кровати в спальне,

наклонившись над ноутбуком, потягивая холодную минералку прямо из бутылки.

Катя внезапно почувствовала, что ее снова бросило в жар, хотя квартира, проветрившись, наполнилась целебной живительной прохладой и запахом дождя и реки.

Она вернулась в комнату, с грохотом выдвинула ящик комода — бумаги... свидетельство о разводе. Свобода...

Свобода нужна, чтобы совершать ревизию своего офисного гардероба? Не есть ли то знак высшей бессмысленности нашего существования в этом мире?

И тут вдруг мобильный подал сигнал — пришло сообщение в WhatsApp.

Что-то случилось — так в первый миг решила Катя. И цель появилась — ехать, мчаться куда-то на ночь глядя — наблюдать, участвовать, описывать расследование, собирать материал по горячим следам.

Она открыла мессенджер.

Смотрела на сообщение, пришедшее только что.

Не по работе. Личное.

Отправитель ей знаком.

В их переписке всего несколько коротких сообщений. Первое Катя не удаляла, хотя каждый раз, когда она читала его, ее щеки пылали. Дерзость... А поначалу она вообще восприняла написанное как великую наглость. Но это не было наглостью. Честно говоря, это не являлось и дерзостью.

Отчаянный жест.

Второе сообщение представляло лаконичный диалог. Его ответ — «Не опоздаю ни на минуту».

Это когда они встретились в пустом джазовом клубе и расстались потом надолго.

Третье сообщение пришло спустя четыре месяца. Коротенькое слово...

Катенька...

Она не ответила сразу, ждала, что последует за его обращением к ней. Но снова на месяцы воцарилось молчание.

А теперь новое послание. Катя скользила глазами по строчкам. Стихи Лермонтова. «Сон» — только перефразированный, с иными акцентами...

*Лежал недвижим я...
В полдневный жар в долине Дагестана
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилась моя...*

У Кати потемнело в глазах. Она сжала мобильный. Строчки расплывались. Она начала быстро набирать ответ, сбилась...

Но мобильный колокольчик прозвонил снова.
*И снился мне Сияющий Огнями...
Вечерний...*

Катя посмотрела на сияющий огнями город, раскинувшийся за окнами ее квартиры.

*И жгло меня...
Сидела ты задумчиво одна...*

Тот, кто прислал ей «Сон», задал вопрос:
Одна?

Самого худшего, того, что представилось ей, когда она прочла про «рану», к счастью, не произошло. У нее отлегло от сердца.

На подоконнике ее квартиры с некоторых пор поселился мраморный античный бюст. Продавали его по интернету как стильное украшение для квартир, офисов и лофтов, именуя богом Аресом.

Но Катя сразу дала мраморному воину в греческом шлеме другое имя.

Гектор.

Ее самый любимый герой «Илиады». Кого еще в детстве она так мечтала спасти под стенами Трои.

— Нет, никак нельзя. Мы вас на территорию пропустить не можем. Приказ.

— Но это место происшествия, разве нет? Я криминальный обозреватель пресс-службы Главка Екатерина Петровская, мы всегда работаем вместе с оперативной группой. Скоро и наш телеоператор подъедет.

— Здесь и с опергруппой пока туго, конь не валялся. И какой еще телеоператор? Да вы что?! Нет, мы вас пропустить не можем. Категорически запрещено.

Диалог с неумолимыми патрульными происходил у ворот дома на холме в лесу в подмосковном Полосатово. Место Катя еле нашла по навигатору, вбив туда адрес. Выехать в Полосатово ее попросил шеф пресс-службы, позвонивший утром. Катя как раз открывала припаркованный во дворе ее дома на Фрунзенской набережной свой маленький «Мерседес Смарт», который верно продолжал служить ей. В субботу она планировала приехать в пустой офис пресс-центра в Никитском переулке — в период пандемии сотрудники пресс-службы чередовали дежурство «в присутствии» с удаленкой. В тишине выходного дня Катя собиралась переделать все накопившиеся дела. Однако ее шеф сам позвонил ей.

— Все меняется, Екатерина, — объявил он, выслушав ее. — С делами в Главке я сам завтра разберусь, а ты, пожалуйста, отправляйся в Полосатово прямо сейчас, не откладывая. Там очень странный случай приключился. Они сами озадачены — я звонил в тамошний отдел полиции только что. Их начальник после трех суток дежурства домой уехал, но они его снова вызвали, ждут. В Полосатове сейчас так же скверно, как и везде. Много заболевших среди личного

состава, работать практически некому. А тут, как на грех, странные и зловещие загадки... Если предчувствия меня не обманывают, Екатерина, а ты знаешь — я редко ошибаюсь, это тот еще случай. Особый. Нам, пресс-службе, его упустить нельзя. Но будь крайне осмотрительна и осторожна на месте происшествия. Возможно, тебе там дадут более четкие инструкции, и ты их выполняй.

Однако, пока в Полосатове, где она прежде не бывала никогда, ей не только не дали «четких инструкций», но вообще гнали прочь.

Катя готова была уже сдать. Она оглядывала высокий деревянный забор, крашенный суриком, — ничего не видно, кроме крыши дома, верхушек деревьев. У забора всего две сиротливые полицейские машины. У ворот со взломанным замком патрульные не просто в полицейской форме, но и в противогазах!

Визг тормозов. У забора лихо остановился огромный «Гелендваген», сияющий черным лаком и хромом. Из него вышел высокий широкоплечий статный мужчина — шатен с серыми глазами, облаченный в строгий черный костюм и белую рубашку (галстук приспущен), и решительно шагнул к патрульным.

Катя замерла. Хотя... что скрывать... она знала, чувствовала, что все скоро случится, возможно, именно так после вчерашнего вечернего...

— Полковник Гектор Боршов. Спецпредставитель и советник-референт Совета национальной безопасности. — Мужчина небрежно вскинул в сторону патрульных не привычную красную «корочку», а новомодный бейдж с гербом. — Вы что за самодеятельность разводите, сержант? Что за маскарад с противогазами? Здесь рядом правительственная трасса, царский поезд и конвой уже в пути, вы сечете серьезность момента? Или мы с вами в детском саду в игрушки играем? А? До-о-оложить обстановку!

— Товарищ полковник, чрезвычайное происшествие. Труп обнаружен на участке домовладения. Странный какой-то... Выставлены здесь в качестве поста, чтобы ограничить доступ на участок. А тут пресса права качает! Лезет! — патрульный, бормоча, кивнул на хранившую молчание Катю.

Полковник Гектор Борщов искоса мельком тоже глянул на нее.

— Пресса? Где? — Тон его резко изменился, этакий тревожно-капризный фальцет, как у булгаковского Фагота. — Вы бредите, сержант? Рядом правительственная трасса, маршрут уже согласован и задействован. Какая пресса, а?

— Да вот же она, перед вами, а я воспрепятствовал!

— Не пререкаться! Чтобы никакой прессы у меня. Под вашу персональную ответственность. А это не пресса, это коллега из пресс-службы подмосковного Главка, пропустить разрешаю только ее одну. — Полковник Гектор Борщов легонько, очень бережно подтолкнул ошеломленную Катю вперед, надвигаясь всей своей массивной атлетической фигурой на оробевшего патрульного, тесня его на участок. — Работает только она здесь без ограничений с полным допуском. Остальных гнать! И я не понял юмора — что значит труп странный?

— Товарищ полковник, я лучше сейчас нашего эксперта-криминалиста позову.

Патрульный развернулся, приоткрыл ворота и ушел. Второй остался на месте. В проеме ворот Катя разглядела ухоженный участок с цветами, дорожками, автоматической поливкой и каменный двухэтажный особняк, выкрашенный охрой.

— Здравствуйте, Катя, — тихо и совсем уже другим тоном произнес полковник Гектор Борщов.

— Здравствуйте, Гек. — Катя обернулась к нему. Они смотрели друг на друга.

Через участок к ним двигалась призрачная белая фигура в маске и костюме биозащиты, какие носят врачи в коронавирусной красной зоне.

— Эксперт-криминалист Павлов, пока в отсутствие начальника отдела, он скоро будет, я за старшего здесь. — Он глянул на бейдж полковника Борщова и сразу стал чрезвычайно деловит. — На текущий момент ситуация следующая: мертвая женщина в саду. Давность смерти около трех суток, причина пока не установлена. Других жильцов в доме нет. Особняк, как мы выяснили, принадлежит некой Гришиной Регине Федоровне. Судя по всему, это и есть погибшая. Обнаружил ее случайный свидетель.

— Ворота грубо взломаны, — заметил Гектор Борщов. — Ваш случайный свидетель — вор-взломщик?

— Студент, сын замглавы Роскомнадзора, ехал на велосипеде на реку. Его насторожили птицы, воронье, кружившее над участком. Он перелез через забор. Ворота мы сами взломали, когда сюда прибыли. И кстати, до правительственной трассы здесь пятнадцать километров.

— Не пререкайтесь, вся прилегающая к трассе территория обрабатывается на предмет национальной безопасности, — полковник Гектор Борщов и его осадил. — Мы с коллегой из пресс-службы сейчас пройдем на участок и сами посмотрим и оценим.

— Проходите, но встаньте здесь. Ближе нельзя пока. — Эксперт-криминалист повернулся и повел их к дому. Остановился на углу.

— Катя, вы держитесь за мной, ладно? Тут что-то действительно непонятное, — шепнул Гектор Кате.

Словно и не было всех тех долгих месяцев после того, как они виделись последний раз. Как будто они расстались только вчера...

Катя кивнула. Она растеряла все слова. Все случилось так внезапно...

Яркий огненный торнадо ворвался в летний августовский день, в ее новую жизнь...

С усилием она заставила себя сконцентрироваться на том, что открылось ее взору — на удалении стол, покрытый бумажной рваной скатертью. На нем посуда, опрокинутая бутылка вина, бокал, чайная чашка, чайник. Садовые кресла валяются в траве. Маленькая заводь и декоративный горбатый мост. Вокруг пышный цветник, клумбы, розарий. Липы, голубые ели, туи...

Пятна на траве — одни солнечные, светлые, другие — черные. Мертвые вороны, птичьи трупы. Их много. Птицы валяются и на траве, и на декоративном горбатом мосту, и на садовой дорожке.

Чуть поодаль от стола рядом с опрокинутым креслом лежит в траве тело.

И отсюда, от угла дома, его рассмотреть невозможно.

— Студент, что забрался через забор на участок, перепугался так, что даже в полицию сначала не позвонил, ринулся на папину дачу, сел в машину и помчался в частную клинику в Одинцово — сдавать тесты и анализы крови. Только оттуда уже позвонил в полицию. Я с ним потом говорил коротко — он мне кричит, как безумный: это, мол, вирус мутировал, новый смертоносный штамм объявился, — устало доложил эксперт-криминалист. — Вбил себе это в голову парень. До сих пор в клинике на обследовании. Сейчас народ психованный стал, истерит. Но я, когда прибыл, решил сначала вызвать из экспертного управления нашу новую службу биологической защиты, чтобы они отработали все и взяли образцы и анализы на предмет обнаружения неизвестных вирусов и патогенов. Без этого осмотр места и трупа мы производить пока не будем. Надо ждать. Они сейчас уже приедут, звонили мне.

— А что вас встревожило, помимо дохлых ворон? — спросил Гектор Борщов.

— Вид и состояние тела. У женщины я визуально не нашел никаких внешних ран или повреждений. Но на траве и в почве полно крови. И труп весь в ней, засохшей. Погибшая быстро истекла кровью, причем та выступала из ее пор через кожу. У мертвых ворон окровавленные клювы. Да, они всю ее расклевали за дни, пока тело лежало в саду. Однако у некоторых птиц кровь, как я увидел, выступала из глаз... При таких обстоятельствах мы не можем начать осмотр тела и места без обработки противоэпидемиологическим подразделением.

— Грамотно поступили, осмотрительно, — похвалил его Гектор Борщов. — Но, может быть, это не мутация вируса, а яд. Отравление.

— Яд? — Эксперт-криминалист глянул на него, словно и его только что самого осенило.

— Вы в дом покойной не заходили?

— Пока нет.

— Какие-то личные вещи ее обнаружены в саду?

— Шаль, шлепанцы, ее мобильный валялся в траве — я его попробовал включить. Он в нерабочем состоянии, возможно, влага, роса ночная тому причиной. Картина такая — она чаевничала в саду одна, выпивала и внезапно умерла.

— Ворота были заперты?

— Изнутри. И калитка садовая. А дверь дома открыта.

— А почему вы один здесь?

— У нас треть сотрудников в самоизоляции сидит, а треть болеет. Привитые все. Умерших, к счастью, нет. Все, кто есть сейчас в дежурной оперативной группе, здесь. Начальник отдела Блистанов трое суток дежурил, я его опять вызвал из дома, но пока он из Перхушково своего доберется сюда, в Полосатово... И потом, мать моя начальница, наш...

— Как, как вы его назвали?

— Капитан Блистанов. — Эксперт кашлянул. — Он после трех дежурных бессонных суток не совсем адекват. Ему время нужно в форму прийти.

— Соседей опросили?

— Нет, ничего пока не успели.

— Соседями мы с коллегой из пресс-службы займемся. — Гектор Борщов глянул на Катю, стоявшую рядом. — Раз надо ждать спецов биозащиты.

— Тут нет соседей. А отработкой территории правительственной трассы, между прочим, служба ФСО занимается, при чем здесь спецгент — советник Совбеза? — Эксперт-криминалист был не дурак, он начинал хамить.

— Не пререкайтесь. Вы представляете, кто перед вами? В гробу я видел вашу ФСО. — Гектор Борщов расправил широкие плечи. — В лесу, когда сюда ехал по бетонке, заметил две дачи. Ни фига себе избушки. Туда мы сейчас с коллегой и направимся.

В дачном лесу, пронизанном светом и солнцем, выглянувшим из-за свинцовых туч, тщетно обещающих долгожданный ливень, Катя, замедлив шаг, произнесла четко и звонко.

— Гектор, вы появились эффектно, как в античной пьесе — бог-решала из машины. Троя, как всегда, рулит?

— Не рады мне, Катя? — Он остановился.

— Да что вы, нет, очень рада! — Катя сразу заволновалась, потому что увидела — он и сам взвинчен до предела. Все напускное, весь его стеб и апломб разом исчезли, как только они остались вдвоем — на лесной тропинке, ведущей к соседним дачам. — Я беспокоилась о вас, Гек. Думала...

— Обо мне? Правда? А что вы обо мне думали, Катя? — Он смотрел с высоты своего роста. На лице его очень сложное выражение — радость, мальчишески-отчаянное смятение и одновременно... скрытое, которое, однако, не сдерживается уже ну никак! Никакими железными усилениями воли и самоконтроля, перехлестывает через край, выходит из берегов, сверкая гранями надежды, испуга, решимости, дерзости, счастья, печали...

— Я сильно тревожилась за вас все это время. Где вы пропадали?

— В разных местах, то там, то здесь. А что еще вы обо мне думали?

— Я хотела, чтобы вы были в безопасности. Целы, невредимы, не ранены. И чтобы вы скорей вернулись.

— Куда? В Москву?

— Да! И еще чтобы все стало опять... как тогда в Староказарменске, когда мы вместе расследовали то убийство.

— Катя, я вернулся. Я здесь.

— Но я не понимаю... что вас сюда, на дачи, привело? Вы знаете эту женщину? Погибшую?

— Нет, понятия не имею, кто она, так же, как и вы пока. А как я здесь оказался... — он шагнул к Кате. — Я сюда за вами ехал. Я преследовал вас.

— Преследовали меня?

— Пока ехал, держа дистанцию за вашей машиной, все думал, прикидывал, как вам объяснить свое появление. Решил, что лучше чистую правду сказать. Я ждал все эти месяцы... ну весточки от вас. Мейла, звонка... Надеялся — как мы тогда с вами договаривались... что вдруг потребуется вам помощь моя в чем-то. Но вы крайне независимы и самостоятельны, Катя. Так и сто лет могло еще пройти... А я не в силах ждать так долго. Я должен был вас увидеть. Чтобы все... ну мир окружающий какой-то смысл для меня обрел вновь.

— Вы воевали? То, про что вы тогда говорили, помните? Совсем маленькая частная армия, ЧВК и вы?

— Недолго. Я три месяца в госпитале лежал, когда плановые операции возобновили. И потом еще в частной клинике проходил реабилитацию.

— Вас ранило? — У Кати снова, как и вчера вечером, потемнело в глазах

— Нет, это другое. — Он глядел на нее в упор. Не опускал взор свой долу.

Его освещало сейчас солнце. И Катя, вглядываясь в его облик, искала в нем и прежнее, и новое...

Шлемоблещущий Гектор...

Я Гектор Троянский...

Они не упоминали о вчерашнем. О перефразированном стихотворении «Сон», что он послал ей вечером в мессенджере. Но Катя знала — его послание как фон сейчас, как рефрен в их столь сдержанной внешне и такой скрыто эмоциональной беседе.

— А как вы узнали, что я еду на работу? — Она искренне недоумевала.

— Я не знал про Полосатого. — Он усмехнулся уголком рта. — Утром приехал к вашему дому. А вы вышли из подъезда и сразу к машине — вид такой деловой, строгий, серьезный. Я аж оробел. Пока с духом собирался — вы уже на набережную вырулили из двора. Я рванул за вами.

— Но суббота же, Гек! Выходной, а вы меня у подъезда ждали, как же это... И потом, мы сейчас много из дома работаем. Я вообще никуда не выхожу.

— Вы по субботам и воскресеньям часто утром бегаєте в Нескучном саду.

Катя лишь головой покачала — вот, значит, как у нас дела обстоят... Он за ней следил! Шлемоблещущий Гектор...

— Идиот я, да? Ну, гоните меня теперь в шею. Заслужил.

— Гек, вы неисправимы. Ваше появление и то, как вы сразу всех местных построили... У меня просто слов нет! Но вы же тогда уволились из ФСБ, как же теперь...

— В конторе я больше не служу.

— А документы? Ваш ошеломительный для местных бейдж референта Совбеза? Он настоящий?

— У меня все всегда настоящее. — Он уже улыбался. Это был тот самый прежний Гек — из их общего прошлого, которое еще не окутала тьма, из времени, когда все были живы, а тайное пока так и оставалось тайным, сокровен-

ным. — Катя, вы ведь сюда приехали работать, материал собирать для статьи. А вас не пускали здешние обормоты. Я легонько на них наехал. Зато теперь мы с вами в самой гуще событий. Вы получите сенсационный материал. Для вас работа, как я заметил, всегда на первом месте. Должен я вам как-то компенсировать то наше прошлое дело, о котором вы так и не написали ни строчки.

Катя вспомнила их тайную переписку в мессенджере. Его пронзительное, отчаянное, нежное...

Катенька...

И снился мне Сияющий Огнями...

Вечерний...

Его вопрос

Одна?

Вспомнились ей и его прежние стихи, которые он сочинил для нее сам, выдав за строки убитого боевиками брата-близнеца.

Я позову, но ответишь ли ты?

Подашь мне какой-то знак?

Все это как тайная музыка сейчас, как аккомпанемент. Хотя вслух они обсуждают иные вещи.

— Хорошо, договорились, — очень сдержанно и вежливо ответила на его вопрос Катя. — Давайте побеседуем с соседями Регины Гришиной, если это действительно она там мертвая в саду.

В первом дачном доме, куда они постучались в калитку, им никто не открыл. Дом стоял запертый, с закрытыми ставнями. Участок весь зарос.

А из-за высокого зеленого забора второй лесной дачи им ответил женский голос:

— Что вам угодно?

— Мы из полиции. Несчастный случай с вашей соседкой Гришиной, — объявил Гектор.

— С Региной? А что случилось?

Калитку открыла женщина в возрасте, одетая по-дачному, но дорого и стильно. Узрев Гектора Борщова, столь похожего на блистательного Джерарда Батлера, она не отрывала от него глаз. И не закрывала болтливую язвительного рта.

Глава 5 КЛАДБИЩЕ

— Скончалась? Регина? — Пожилая дама испуганно округлила глаза и всплеснула руками, когда Гектор, представившись и узнав ее фамилию, объявил ей о смерти соседки. — У нее наверняка повторный инфаркт. Первый случился полтора года назад и едва не убил ее!

— Когда в последний раз вы видели свою соседку? — спросила Катя. — Вы с ней дружили, общались?

Дама перевела на нее взор, с трудом отрываясь от созерцания Гектора Борщова, уже пустившего в ход свое врожденное обаяние.

— Мы не особо дружили, мы соседствовали. Мы с мужем не живем на даче постоянно, только летом и ранней осенью. Мой муж работал в первом департаменте МИД. Сейчас мы на пенсии. Регина из нашего, так сказать, круга, она свой дом себе сама заработала. У нее имеется прекрасная жилплощадь на Старом Арбате, но она там не жила, сидела на даче практически безвылазно, восстанавливала здоровье свое. А виделись мы... когда же мы виделись? Вроде не очень давно... не помню точно... Регину я случайно встретила в нашей роще, мы с мужем гуляли на закате, а она по тропинке шла в сторону кладбища.

Дама-соседка так и сказала «прекрасная жилплощадь», а не «квартира». В тоне ее дребезжали ржавые завистливые нотки.

— Вороны кружили над домом, целая стая, — заметил Гектор. — Вы разве не видели черных птиц?

— Здесь лес кругом. — Дама оглядела большой ухоженный участок. — И я не имею привычки считать облака, я постоянно занята. Муж после перенесенного ковида с постели еле до туалета добирается, а сиделка от нас сбежала, мерзавка. Вы сказали, вороны слетелись на участок? Так что же это... она там мертвая лежала?! Не один день?

Они молчали. Дама-соседка испуганно ахнула и прикрыла рот рукой. До нее дошло.

— Боже мой... Регина... бедная... без помощи... Так страшно умереть... Совсем одной... Ну конечно, это сердце. Регина сильно сдала за последние полтора года. Раньше была такая энергичная — за собой следила, постоянно косметолога навещала, красилась то в брюнетку, то в блондинку, хотела пластику делать, по магазинам ездила. Но потом умер ее единственный сын, а сама она от горя схлопотала инфаркт. И все закончилось...

— А чем она занималась? — спросила Катя. — Чем на жизнь зарабатывала?

— Она подвизалась на разных должностях сначала в Торгово-промышленной палате, ну а потом в Министерстве путей сообщения. — Сочувственные ноты вновь пропали из тона соседки. — Она была деловая женщина, самостоятельная. Хваткая. Сама себе заработала за свою жизнь столько, что могла спокойно уйти на покой, жить в своем красивом доме полностью обеспеченной. Однако... смерть сына подкосила ее кардинально.

— У потерпевшей должен быть обширный круг знакомств и общения, — заметил Гектор нейтрально. — Такая умная и наблюдательная женщина, как вы, конечно, составила себе мнение о ее знакомых?

— Регина мне весной, в мае, когда мы с мужем приехали на дачу и я к ней зашла, сказала с горечью, что она затво-

рилась от мира после смерти сына. И пожаловалась, что ее окружают одни шакалы, гнусные алчные люди, у которых ничего святого.

— А кого она могла иметь в виду, как по-вашему? — уточнил Гектор.

— Конечно, свою дальнюю родню, кого же еще? — соседка хмыкнула. — У нее близких родственников совсем нет, но есть две двоюродных сестры. Такие неприятные особы. Одна — старая дева, а вторая замужем. Им, наверное, все теперь и достанется. И ее деньги, и недвижимость.

— У нее дом большой, прекрасно ухоженный участок, как мы видели, — заметила Катя. — Она сама вела хозяйство или у нее имелась помощница?

— Садового дизайнера это я ей порекомендовала еще несколько лет назад. А Регина мне в благодарность весной дала контакты своей домработницы Карлы, она филиппинка. Работающая, аккуратная, без претензий. Я очень ею довольна. Она приезжала к нам на дачи и убиралась у меня и у Регины. Правда, та ее в последнее время приглашала довольно редко. «Убирушка» — так ее Регина прозвала — Карла имеет один большой недостаток, за все годы жизни в Москве она так и не удосужилась выучить нормально русский. Я с ней по-английски объяснялась. А уж как Регина выходила из положения — жестами, наверное. Мимикой.

— Вы не могли бы дать нам телефон вашей филиппинки? — попросила Катя. — Нам необходимо будет с ней побеседовать.

— Сегодня суббота, она как раз здесь, в Полосатове, у Маевичей, их хоромы новые вылизывает с утра. — Дама достала из заднего кармана дачных брюк мобильный, пролистала контакты. — Я Маевичам ее спроворила — сейчас так все передают надежную прислугу с рук на руки, рекомендуют.

Катя записала номер домработницы Карлы.

— Вы сказали, что видели вашу соседку по дороге на кладбище, — напомнил Гектор. — Там могила ее сына?

— Нет, он похоронен рядом с ее матерью на Кузьминском кладбище, в их семейной могиле. Хотя удивляюсь, как она добилась, чтобы его там похоронили, наверное, деньги заплатила, и немалые. — На лице дамы-соседки промелькнула некая очень сложная гримаса, Катя не поняла ее смысла в тот момент. — И у нас здесь нет никакого кладбища.

— Но вы же сами сказали...

— Это ее кладбище, Регины. — Соседка понизила голос. — Поляна в лесу. Она там хоронила всех своих питомцев.

— Питомцев?

— У нее постоянно умирала живность, которую она то и дело заводила в доме. Кошку она взяла из приюта и через пару недель похоронила в лесу, затем взяла в приюте кота. Сдох и он. Потом были еще птицы... Я как-то из чистого любопытства дошла по тропинке до поляны. Неприятное зрелище. Кладбище домашних животных. Они постоянно умирали в ее доме. — Дама-соседка помолчала. — Не знаю, как на кого, на меня это произвело гнетущее впечатление.

— А кого она хоронила в день вашей встречи? — спросил Гектор.

— Она несла в руках обувную коробку, перевязанную ленточкой. Сказала мне, что это ее попугай корелла. У нее были с собой лопатка садовая и секатор. Усмехнулась так криво — вот решила прогуляться... заодно и похоронить милого дружка. Она так назвала птицу. После инфаркта она ходила медленно, осторожничала.

Они поблагодарили соседку, покинули дачу. На лесной дороге Катя сразу вытащила мобильный и набрала номер домработницы Карлы.

Гудки... гудки... А затем шепелявый женский голос ответил:

— Hello?

— Я говорю с Карлой? — спросила Катя по-английски, сразу решив проявить настойчивость. — Я офицер полиции Петровская, назовите свою имя и фамилию.

— Карла Гуэрра, — прошелестели на том конце перепуганно.

— Карла Гуэрра, банк данных не выдает регистрационный номер вашего разрешения на работу в нашей стране, где именно и когда вам его выдавали?

На том конце Карла захлебнулась испуганным бормотанием. Катя поняла — она на верном пути, сейчас дождем иностранку-нелегалку.

— Вы не имеете разрешения на работу, тем не менее вы трудились в качестве экономки (Катя намеренно употребила английское слово *housekeeper*, а не *homehelper* — помощница по дому) на дачах у разных хозяев, в том числе у Регины Гришиной. За отсутствие регистрации и разрешения на трудовую деятельность вам грозит депортация из страны при отказе от сотрудничества с полицией. Вы поняли меня?

На том конце забулькали:

— Yes! Yes! Yes!

— Вы где сейчас находитесь? — строго продолжала допрос по-английски Катя.

Карла затруднилась ответить — мол, дома убираюсь у госпожи Веры... Polosatovo... Особняк у реки...

— Как вы туда добирались? На своей машине?

— Нет, нет, на автобусе — на шоссе остановка под названием «Пляж».

— Через час на этой остановке, — приказала Катя. — Если не появитесь, вам грозит арест за неповиновение требованию полиции и депортация.

В трубке пылко поклялись Святым причастием, что через час прибегут бегом на автобусную остановку.

Гектор наблюдал за переговорами.

— Шок и трепет. — Он усмехнулся. — Какие в вас, Катя, таланты скрыты. Мне самому прям захотелось встать по стойке «смирно». Английский у вас свободный. А мой с запинкой... Суровенько вы ее расплющили ментально. Подчинили разом.

— Я ее запугала. — Катя убрала мобильный в сумку. — Они бесправные здесь. Застрали многие из-за пандемии. Платят им гроши, а они боятся возразить. Это люди-тени, Гек. Мигранты. Но иначе ее никак не вытащить. А расспросить ее про хозяйку нам необходимо. Что-то мне кладбище домашних животных не понравилось совсем. Что бы это значило?

— Время у нас есть до встречи с домработницей, а вот и тропинка. — Гектор кивнул. — Айда глянем сами, что там и как — совсем по Кингу или по мотивам?

— Здесь пять тропинок. — Катя обзревала сумрачный от набежавших облаков подмосковный лес. — Как вы можете угадать, какая именно нам нужна?

— Я просто знаю. Рефлекс определения направления у меня профессиональный. — Он указал на тропинку, уводящую в самую чашу.

Они двинулись вперед — прочь от дач.

— Вы сказали — были то там, то здесь... Воевали. Это в Сирии? — спросила Катя.

— В Сирии.

— Я так и знала.

— Потом еще три недели на Кавказе. Почти пятизвездочный горный зимний курорт.

— Вы все шутите, Гек.

— А вот и полянка.

Странное зрелище открылось их взору. Среди густых кустов — вытоптанная плешь. Девять маленьких земляных могилок-холмиков. Некоторые совсем крошечные. На каждой сгнившие, засохшие букетики садовых цветов.

На некоторых бумажные расплывчатые фото с цветного принтера — вдавленные в землю, распадающиеся на части от влаги. Еле разберешь, кто изображен — кошка, попугай корелла, ящерица.

Гектор наклонился низко, разглядывая холмики и портеры покойных.

— Баба, кажется, была с приветом, — констатировал он.

Из рощи он вывел притихшую Катю кратчайшим путем — через пару минут они подошли к забору дачи Регины Гришиной. Возле ворот — два микроавтобуса подразделения биозащиты. На участке люди в пластиковых костюмах и шлемах. Двое потащили специальные бокс-носилки для перевозки трупа.

— Тут все небыстро, — заметил Гектор. — А мы с вами, Катя, уйдем на север и переждем, выбивая инфу из нелегалки.

И не успела она ахнуть, он приподнял ее легко и посадил, точнее, умыкнул, словно разбойник с большой дороги, в свой огромный черный сундук на колесах, даже не спросив, на какой машине она-то желает ехать — может, на своем «Смарте»!

И покатили — по хлипкому мостику через реку Липку.

Глава 6

НАБЛЮДАЯ ИСПОДТИШКА

— Домработница-филиппинка сейчас показатель определенного статуса хозяев, — заметил Гектор, сверяясь с навигатором. — У нас в Серебряном Бору они суперпопулярны как дешевая рабская сила. Престижный элемент, как личный винный погреб и бордоский дог в качестве сторожа хором.

Катя помолчала. Поместье в Серебряном Бору генерал-полковника Борщова, отца Гектора... Помнится, когда они

втроем с их общим верным другом Вилли Ригелем, которого больше нет, приехали туда, там все оказалось совсем иначе, чем Катя себе представляла.

— Покойная Регина Гришина, как мы выяснили, была обеспеченной женщиной. И Полосатово — известное дачное место, знаковое, здесь строят и покупают недвижимость люди со средствами, — ответила она. — Конечно, это не ваш знаменитый Серебряный Бор, однако...

Гектор глянул на нее в зеркало и указал глазами: автобусная остановка и фигурантка — как постовой на часах при полковой казне.

Пигалица... Первое впечатление Кати о Карле Гуэрре было именно таким — тоненькая как былинка, маленькая, по возрасту чуть ли не школьница. Но вот домработница-филиппинка обернулась на сигнал их внедорожника, и... они увидели ее покрытое морщинами изможденное лицо. Возраст Карлы — неопределенный, в глазах — испуг и тревога.

— Катя, вы с ней сами по-английски, о'кей? — объявил Гектор. — Я скромненько послушаю. Где не врублюсь, вы мне потом переведете.

Кате потребовалось немало времени, чтобы сначала успокоить Карлу, до предела перепуганную перспективой депортации. Когда же она поняла, что ее хотят расспросить про ее хозяйку, она сразу затараторила как сорока, делая в своем английском чудовищные ошибки.

— Мадам Регина? Я у нее убиралась — да, раньше часто, а в последний год приходила раз в неделю. Правда, с перерывом долгим, когда сама болела и она меня к себе потом не пускала, карантин мне выдерживала. А что случилось?

— Ваша хозяйка умерла, — лаконично сообщила Катя. — Ее сегодня в саду мертвой нашли.

— Умерла? Значит, мне в среду к ней не ходить? Я потеряла работу? — Оливковое сморщенное личико Карлы

снова выразило тревогу, печаль и досаду. — Как жаль ее. Она была доброй хозяйкой, хотя требовательной очень.

— Когда вы у нее убирались последний раз?

— В среду, как обычно.

— Вы ничего не заметили подозрительного?

— Она не кашляла, не выглядела больной.

— Я не вирус имею в виду — обстановку домашнюю.

Может, кто-то ее навещал, приходил, звонил?

— Я плохо понимаю по-русски.

— Я не о том, что вы слышали, спрашиваю, а о том, кого и что вы видели. Так вашу хозяйку кто-то навещал?

— Приезжала ее барристер.

— Адвокат?

— Я не знаю, как это правильно называется. Нет, это, наверное, помощник или секретарь. Женщина. Она ей привезла какие-то бумаги. Приехала на своей машине, и с ней были дети.

— Дети?

— Ее дети-школьники, я так поняла. Мадам Регина сама накрыла чай в саду. Хотела, чтобы я это сделала, но я мыла туалет, и она только заглянула и махнула рукой — работай. — Карла облизнула тонкие губы. — Я на коленках там ползала. А они пили в саду чай с детьми. Недолго. Через час ее барристер уехала. Дети так шумели, что у мадам Регины заболела голова. Она искала в вазе на кухне свои таблетки.

— Сколько времени вы работали у нее?

— Четыре года.

— Вы знали ее покойного сына?

— Я его видела. — Карла кивнула. — Молодой, очень красивый, вежливый. Он за город крайне редко приезжал. Он жил на Старом Арбате в другом ее доме. Мадам Регина хотела, чтобы я и там тоже убиралась время от времени.

— Где это на Старом Арбате? Адрес?

— Надо в переулок. Я не знаю русский адрес. Надо свернуть в переулок с Арбата за памятником. Большой голубой дом. Особняк. Но я там была всего один раз два года назад. Невеста сына хозяйки сказала, чтобы я больше к ним не ходила, что они не нуждаются в моих услугах. Выгнала меня.

— Выгнала вас? За что?

— Она по-английски кричала, что я подлая шпионка... что мадам Регина меня послала следить за ними.

— А хозяйка действительно просила вас шпионить за сыном и его невестой? — удивилась Катя.

— Нет, что вы. Мадам Регина совсем не знала английского, мы объяснялись с ней с трудом, хотя насчет уборки я все понимала и делала, как она хотела и показывала. А рассказать ей что-то о том доме на Арбате и ее сыне, о них, молодых, я бы все равно не сумела. Хозяйка меня бы не поняла, даже с переводчиком Google. — Карла вымученно улыбнулась. — Я не шпион.

— Значит, сюда, на дачу, сын вашей хозяйки приезжал редко, а его невеста?

— При мне — никогда. А потом сын хозяйки ушел в мир иной. А она сильно заболела надолго. Она лежала в больнице. Была очень слабая.

— Кто ее забирал из больницы? Вы?

— Нет, я думаю, кто-то из ее кузин. — Карла помолчала. — Они сюда приезжали — всегда порознь, никогда вместе.

— И ваша хозяйка их тоже поила чаем в саду?

— Утром она сама завтракала там, пока солнце еще не пекло. Я в доме пылесосила, всю мебель сдвинула, кухню мыла, поэтому она ушла в сад. Она часто в жару сидела в тени деревьев у воды, мобильный листала, медитировала. Потом, когда кузина уехала, а я переодевалась, чтобы вернуться в Москву, закончив работу, мадам Регина указала мне на телевизор — шла передача о животных. Гиены

и стервятники кого-то пожирали... Падальщики терзали чей-то труп... Она указала мне на них. Я поняла, что... это относится к ее родственникам.

Падальщики... Гиены и стервятники...

Катя вспомнила, как соседка говорила им о том, что Регина Гришина назвала окружавших ее людей шакалами...

Что же стало причиной ее смерти, так напугавшей свидетеля и столь встревожившей опытного эксперта-криминалиста?

Гектор кашлянул за ее спиной. Она оглянулась — он поднял брови: SOS, не врубаюсь, что к чему. Катя быстро перевела ему все дословно.

— Кто-то еще ее навещал при вас? — спросила она Карлу.

— Нет, больше никто.

— А у вас с хозяйкой возникали конфликты?

— Нет. Я очень старалась. Она мне платила аккуратно и порой даже давала сверх — бонус. Я очень дорожила этим местом. Пусть и дом большой, и работы много, но стабильность и доход. А теперь я его лишилась.

— У вашей хозяйки имелись домашние питомцы, и они часто умирали, как мы выяснили. А почему? Вам что-то об этом известно?

Карла пожала плечами. Выражение ее лица внезапно изменилось.

— Они погибали. Не приживались. Мне ничего не известно. Приезжаю к ней — у нее новая птица в клетке. А в следующий раз ее уже нет. Сдохла. Потом приезжаю — еще одна, новый попугай. В среду, когда я была у нее, она...

— Что, Карла? Что произошло в среду?

— Она за ноутбуком искала по сайтам, как купить себе ворона.

— Но вы же не читаете по-русски.

— Я думала, она работает за ноутбуком. Когда работает, там всегда таблицы, графики, биржа. А заглянула ей через

плечо — на экране картинки. Птицы на продажу. Она хотела купить себе ворона.

Пауза.

Гектор снова кашлянул. И Катя опять ему перевела все дословно. Он поднял брови.

— То, что животные погибали... — Карла подбирала в своем ученическом английском слова осторожно, словно взвешивая. — Может, дом влиял так на них.

— Как это понимать — дом влиял? — спросила Катя.

— Обстановка. Аура.

— Если вы, Карла, намекаете на привидения, то вы не правы, коттедж новый, ему не больше десяти лет, современный. Вряд ли он успел стать пристанищем для злых духов.

— Разве вы не видели, что внутри? — спросила Карла. — Как вы могли *этого* не заметить?

— Мы пока не заходили внутрь. А что там такое?

— Все эти фотографии... — Карла помолчала. — Я старалась на них особо не смотреть. Потому что... я не знаю, у меня становилось как-то беспокойно на душе сразу.

— А что не так с фотографиями? Объясните.

— Вы их сами увидите в доме. Я не могу словами выразить. Сказала бы на родном языке. Но вы не поймете. Они там все на фото так смотрят... Когда мне надо было протирать на них пыль, я просто брала рамки и укладывала их изображением вниз. А мадам Регина потом расставляла фотографии сама. И еще вот что...

— Что?

— Когда я приходила, она всегда запирала маленький гардероб на ключ. Шкаф в ее спальне. Я убиралась всегда везде, во всем доме, но ни разу она мне не позволила вытереть там пыль или пропылесосить пол.

— Она как-то объясняла вам, почему она запирает маленький гардероб?

— Нет. Она делала вид, что все как обычно.

— А вы как себе это объясняли?

— Там хранилось нечто, что она прятала, скрывала.

В том числе и от меня.

— Может, там у нее стоял сейф?

— Сейф у нее за телевизором — панель на стене на кронштейнах открывается, и внутри ниша и сейф, — тоном бывалой домработницы ответила Карла. — Нет, в гардеробе она скрывала что-то другое. Не предназначенное для посторонних глаз.

— Удольфские тайны, серия первая, — хмыкнул Гектор, когда они, надавав полицейских ЦУ Карле насчет обязательной регистрации, ехали по шоссе назад к мосту. — Вы, Катя, по-английски говорите, как на родном. Я прям превратился в одно большое чуткое ухо, чтобы не ударить в грязь лицом, как необразованный неуч. Наша покойница полна загадок. Жаль, если сейчас, как приедем, окажется, что ее шарахнул второй инфаркт, а кровяца оттого, что она упала и ударилась затылком о камень.

— Она лежит на лужайке, на мягкой канадской траве, — заметила Катя. — Может, правда, декоративные валуны в траве разбросаны, мы же не видели с вами издали.

— Дела делами, а надо подкрепиться, солнце еще высоко, работы невпроворот. — Гектор внезапно затормозил у придорожного автокафе, торговавшего возле автозаправки.

Катя не успела его остановить. Он вернулся через минуту со стаканами кофе.

— Мятного капучино здесь нет. — Он смотрел на Катю. — Вам просто двойной капучино, мне двойной черный без сахара. И сейчас плюшек накуплю. И горшочек с медом. Вам плюшку с корицей?

— Гек, спасибо, но я ... — Катя не брала картонный стаканчик кофе. — Я не ем ничего такого, я имею в виду — я не покупаю сейчас уличную еду. Я не могу...

— Вас понял. — Гектор поставил свой стакан с кофе на приборную панель, вернулся к автокафе.

Нарисовался уже с картонными стаканами.

— Они у них стопкой, я сам взял два для вас, своей рукой. Защитная оболочка, которую трогал только я.

Катя, покраснев, забрала у него капучино. Горячий, ароматный...

— Так, надо как-то решать вопрос с фобиями насчет уличной еды. — Гектор отхлебнул свой черный кофе. — А то ослабею.

— Вы не ослабеете. Кто бы говорил, — хмыкнула Катя, протирая руки антисептической салфеткой. — У меня в машине бутылки с минеральной водой. И потом... вот что у меня есть! — она торжественно извлекла из сумки зеленую большую грушу, твердую как камень. — Попролам — подкрепиться вместо вашего горшочка с медом. Ох, только у меня ножа нет разрезать!

— И я финку десантную не захватил, как на грех. — Гектор забрал у нее грушу. — Столько сразу мелких бытовых каверз выплывает. Прямо голова кругом.

Он провел по середине твердой зеленой груши указательным пальцем, словно чертя линию. А затем быстрым сильным движением разломил плод пополам.

— Сладкая, — констатировал он, укусив грушу хищно.

У дома Регины Гришиной, куда они подрулили спустя пять минут, уже не маячили тревожно микроавтобусы службы биозащиты. Зато стояла патрульная машина Полосатовского ОВД. Из нее выбрался кудрявый, как купидон, толстый приземистый парень в полицейских брюках и камуфляжной омоновской майке.

Катя узнала начальника ОВД капитана Арсения Блистанова. Он наконец-то появился на месте происшествия.

С капитаном Арсением Блистановым Катя познакомилась в бытность его работы в управлении «К» — компьютерных технологий и противодействия киберпреступности, где он возглавил отдел интеллектуальной обработки информации. В управлении Блистанова именовали Человек-отдел, потому что он вез на себе титанический груз работы в сложных для полиции вопросах. Но на «земле» в полицейских кругах капитана звали не иначе как мать моя начальница — после того как он в свои двадцать шесть лет, получив капитана досрочно, был переведен на «подполковничью» должность начальника ОВД муниципального образования Полосатово — крошечного территориального подразделения, самостоятельного и независимого от соседствующих с ним Одинцова и Сколково. Перевод состоялся, если верить полицейским сплетням, благодаря властной руке матери капитана Блистанова Раисы Максимовны Козловой, генерал-майора, всесильной начальницы Департамента по материально-техническому и медицинскому обеспечению, которой, говорят, сам министр порой в ноги кланялся, выступая в роли смиренного просителя.

Мать свою, начальницу, капитан Арсений Блистанов постоянно поминал всуе. Внешне двадцатилетний капитан — толстый, кудрявый, веснушчатый и рыжий — напоминал Кате Вождя Краснокожих из старого фильма. Более того — в свои десять лет он снялся в пяти сериях журнала «Ералаш», играя там колоритного Плохиша-двоечника, смеша до слез и умиляя публику. Но приказом матери кинокарьера юного таланта была пресечена еще в детстве, и он не пошел по стопам своего родного отца — актера, происходившего из семьи корифея Малого театра, знаменито-

го трагика Хрисанфа Блистанова, бюстом которого могут и сейчас полюбоваться зрители в фойе театра.

О родителях своих Блистанов рассказал Кате в первый момент знакомства шепотом на нудном совещании, где грозно требовали отключить смартфоны. Когда они вместе отправились в министерский буфет пить кофе, он досказал ей в подробностях «печальную повесть о капитане Джульетте из ментовки и актере Ромео — наркомане, плотно сидевшем на героине, о маме и папе, чей страстный роман так и не закончился браком».

«Зато появился на свет я», — подвел итог Арсений Блистанов. И с тех пор они с Катей подружились, потому что она впечатлилась любовной драмой и расчувствовалась до слез. В полицейской среде каких только семейных историй не услышишь!

Глядя на приятеля, Катя подумала — как, интересно, сейчас Шлемоблещущий Гектор начнет строить по струнке капитана Блистанова — этого раздолбая и умницу, которого и бейджем Совбеза не проймешь, а только раззадоришь пререкаться и ерничать. Однако все дальнейшее снова поразило ее несказанно.

— О, какие люди к нам на огонек. Гектор Игоревич! Полковник, вы ли это? — воскликнул капитан Арсений Блистанов, всплеснув пухлыми руками.

— Здравствуй, Сеня. Как это тебя угораздило в славном Полосатово начальником воцариться?

Они стукнули друг другу кулак о кулак — Блистанов со всей ему отпущенной природой силой, а Гектор весьма осторожно, почти бережно. И Катя поняла — эти двое давно знакомы. Тесен мир!

— Я здесь в бессрочной ссылке, — пожаловался капитан Арсений Блистанов, светло улыбаясь Кате. — Екатерина, приветствую вас от всего сердца! А насчет должности — мать моя начальница сослала меня в эту дачную дыру.

Мол, некому работать на земле стало, сын. Времена тяжелые, пандемия косит личный состав, кадровый голод, а ей коллеги глаза колют — мол, ваш сын блатной в управлении «К» компьютерные ребусы на удаленке решает — программист, блин, хренов. Меня в Полосатово мать засунула — начальником. Все меня ненавидят, Гектор Игоревич. И тут я в блатных у них числюсь, во как! Да идите сюда все в Полосатово, берите должность мою, отдам не глядя! Садитесь, рулите, возглавляйте! Я трое суток без сна и отдыха пашу, дежурил по отделу, потому что оба зама мои на госпитальной койке, две трети личного состава больны. Домой после дежурств рванул поспать — так нет, трах-тибидох! Снова выдернули. Баба какая-то коньки откинула! Ну земля ей пухом. Идите — начальствуйте, раскрывайте, расследуйте. Что-то нет охотников. Одни сплетни и кляузы.

— Сеня, не ори. Тут все свои. Мы тебя понимаем, — оборвал его Гектор. — В душе мы с тобой. Видишь, коллега из пресс-службы помогать тебе приехала бескорыстно. Ну и я тоже.

— А вы, Гектор Игоревич, как здесь? Служба государева? — Блистанов прищурился ехидно — глазки-щелочки потонули в его толстых щеках. — Вы же, как я слышал, контору свою послали далеко. И шумное было ваше прощание с Лубянкой — окна повывлетали, и не только они, как судачили мои френды в даркнете, но и еще кое-кто.

Гектор показал ему свой бейдж. Блистанов его внимательно изучил.

— Ничего себе... Полковник Гектор Борщов. Единственный и неповторимый. И уже не фээсбэшник, а «советник-референт, консультант Совбеза по вопросам тактики и специальных узкопрофильных операций», — он старательно прочел название должности Гектора на бейдже. — Да, мощно, Гектор Игоревич. Но в Полосатово-то вы как оказались? Зачем?!

— Затем. Ты ведь знаешь — я не поощряю избыточного любопытства. — Гектор убрал бейдж в карман черного пиджака. — Тебе и пушку еще показать с глушителем, Сенечка? Чтобы пресечь все вопросы на корню — поясняю. Я консультирую больших шишек как референт время от времени. Сейчас я после госпиталя и официально пока на реабилитации. К коллеге из пресс-службы я нанялся в качестве ее личного советника и телохранителя. Короче... ты понял, Сеня?

— Да. — Блистанов глянул на Гектора, потом на Катю, совсем расплылся в улыбке. — Ясененько все. О йессс!

— Коллега из пресс-службы собирает материал о том, что здесь случилось. Тебе я, Сеня, если хочешь, тоже помогу разобраться. Потому что ты с твоими познаниями в уголовном праве, криминалистике и особенно в азах разыскной работы — сущее дитя, несмотря на свой айтишный гений. Можешь принять мою помощь или отказаться. На ситуацию это не повлияет.

— Да уж конечно. Вы как танк к своей цели прете всегда. Я принимаю ваше щедрое предложение, Гектор Игоревич. — Блистанов вздохнул. — А что мне остается? Я вообще не учился, как чего-то расследовать, раскрывать. Я и детективы ненавижу. Бред какой-то пишут. Я программист, а в детективах пещерная логика. Все предсказуемо.

Катя поняла — с тандемом Шлемоблещущий Гектор и Мать Моя Начальница-Блистанов им предстоит то еще расследование! Если, конечно, есть что расследовать в этом деле, которое пока зацепило их лишь краем, как хвост темной кометы, скрывающейся где-то от глаз далеко в тени мрачного неизведанного космоса. Но она была рада, что Гектор... Гек — снова прежний, такой, каким они с покойным Вилли Ригелем встретили и узнали его в Староказарменске...¹ Ради этого одного стоило довести и новое дело в Полосатове до конца.

---

¹ История знакомства Кати и Гектора рассказана в романе Т. Степановой «Последняя истина, последняя страсть».

— Арсений, что сказали вам специалисты из отдела био-защиты? — Она постаралась направить беседу в профессиональное русло. — Что они обнаружили?

— Мне начальник позвонил, когда я сюда ехал из дома, и объявил — уровень эпидемиологической опасности нулевой. Однако труп они забрали на вскрытие и сделали забор анализов. Уже отличная новость — быстро вскрыют покойницу, а то сейчас неделями ждать надо, морги все забиты до предела. Насчет остального я ничего не понял, если честно. Сейчас криминалиста расспросим вместе с вами.

Они вошли в ворота, патрульные их на этот раз сразу пропустили на участок. На месте происшествия работали тот самый эксперт и его молодой помощник. Вот и вся полосатовская опергруппа. Новые времена настали...

Катя с невольной опаской приблизилась к накрытому рваной бумажной скатертью столу. Тела уже не было. Но она сразу заметила пятно бурой засохшей крови на траве. Вокруг стола и на скатерти среди сгнивших объедков и птичьего помета валялись вороньи трупы.

Из посуды на столе Катя увидела чайник, чашку с блюдцем, десертную тарелку с остатками, блюдо — там был, видно, пирог или торт, но птицы размесили, раскрошили все и обгадили. Еще на столе валялась винная бутылка — вороны ее опрокинули, и вино вытекло на скатерть, бокал, вазочка — на дне две сиротливые оливки — и сервировочное блюдо. Какое угощение подавали на нем, невозможно было понять — все раскрошено и расклевано.

— Все указывает на то, что потерпевшая находилась в саду одна, — констатировал эксперт. — Сервировку вы сами видите. Про запертые изнутри ворота и калитку я вам уже говорил. А потом что-то случилось.

— Это точно была Регина Гришина, хозяйка дома? — спросил Гектор Борщов. — Ее ведь опознать трудно.

— Я нашел в доме ее паспорт, потом там ее фотографии — хоть птицы ей лицо расклевали, опознать можно. Это Гришина, — кивнул эксперт. — На момент смерти рядом с ней никого не было. Сами видите — чашка, столовый прибор, бокал — все на одну персону.

— Кресел садовых три. — Гектор оглядывал лужайку. — Подушки валяются далеко в озерце декоративном. Мокрые от воды. Они не могли отлететь на такое расстояние, когда кресла опрокинулись. А в каком положении нашли тело?

Эксперт показал им фотографии на мобильном.

В первый миг перед взором Кати предстало кровавое месиво, в котором на фото она могла разобрать лишь отдельные пугающие детали — спутанные крашенные светлые волосы с седыми корнями, голые пятки. Рука, повернутая вверх ладонью с кровавыми ранами. Лицо... Катя заставила себя смотреть в лицо мертвой Регины Гришиной, которой хищное воронье выклевало глаза.

Тронутый разложением труп покрывала корка засохшей крови.

— Наличие вируса или каких-то опасных патогенов специалисты на месте не обнаружили. Правда, предстоит еще лабораторное исследование, — доложил эксперт. — Но у покойной была долгая мучительная агония. Она могла сама опрокинуть мебель и забросить подушки в прудик, думаю, она так пыталась внимание привлечь.

— Чье внимание? — спросил Гектор Боршов. — Если никого с ней не было на момент смерти? А кругом глухой забор и все заперто изнутри?

Он достал из кармана резиновые перчатки, протянул их Кате и надел сам. Сколупнул что-то со скатерти, начал рассматривать.

— То, что мы видим, — мертвые птицы... похоже на потраву. — Он наклонился над птичьим трупиком.

— Потраву?

— Использование инсектицида или же... какого-то препарата из категории родентицидов. Когда поля против вредителей обрабатывают с самолета, часто потом в округе валяются дохлые птицы в таком виде, наклевавшись отравленных жуков. Что-то типа бродифакума. Это сельскохозяйственный яд.

Катя слушала внимательно, включила диктофон в сумке. Таких названий не запомнишь. Капитан Блистанов сопел, разглядывая фотографии окровавленного трупа.

— Жуть какая. — Он поехал. — Слава богу, увезли это с глаз долой. И в прозекторскую доступ сейчас запрещен. Миновала меня чаша сия — быть на ее вскрытии. А вы, Гектор Игоревич, как тот яд назвали?

— Бродифакум. Он действует по принципу антикоагулянта, вызывает внутреннее кровотечение при отравлении и одновременно препятствует свертыванию крови. — Гектор снова внимательно оглядывал сервировку стола. — Его можно легко приобрести для избавления от грызунов или кротов на участке. Он продается в хозяйственных магазинах. Однако чтобы на человека он возымел такой страшный эффект, нужна очень высокая концентрация. В чайнике, — он поднял фарфоровую крышку, — на доньшке остатки чая и заварки. Возьмите все на экспертизу — всю посуду, скатерть и пищевые остатки.

— Несколько ворон спецы биозащиты забрали, — сообщил эксперт. — Но я тоже парочку возьму для исследования.

— Как мы успели узнать у свидетелей, Регина Гришина потеряла единственного сына полтора года назад. И впала в глубокую депрессию. Она тяжело болела, — сообщила Катя. — Не захотела ли она таким способом сама свести счеты с жизнью? Отравилась?

— Самоубийство? — Капитан Арсений Блистанов сразу воспрянул духом. — Вот и чудненько. С плеч долой сразу все разом. Отказной материал в возбуждении.

— Сеня, что ты несешь? — оборвал его Гектор сухо. — Не забывай, кто ты и где. И чем занят.

— Вы меня всегда и раньше воспитывали, Гектор Иго-ревич. Да, это я сболтнул глупость. — Блистанов тряхнул подстриженными кудрями. — Я каждое утро твержу себе, просыпаясь: Сеня, ты начальник Полосатовского отдела полиции, ты мент, Сеня, должностное лицо. А не абы где!

— Давайте взглянем на ее дом, — предложил Гектор Борщов, и они направились к выкрашенному охрой котеджу, дверь которого была гостеприимно распахнута.

На выложенном плиткой полу открытой веранды — солнечные пятна.

Глава 8

ФОТОГРАФИИ

В доме покойной Регины Гришиной, о которой они пока не знали ничего — ни как она умерла, ни как жила, Катю (возможно, здесь сыграли роль слова домработницы Карлы) действительно несказанно поразило обилие фотографий в рамках, расставленных везде, во всех комнатах. И еще портрет.

Дом оказался просторным, светлым, обставленным и декорированным с большим вкусом — с камином в холле-гостиной, дорогой итальянской мебелью, большой стильной кухней, застекленной террасой и комнатами наверху — спальней хозяйки, ее ванной, кабинетом и вместительной гардеробной с зеркалами.

Фотографии не гармонировали с модной современной обстановкой, старые выцветшие снимки теснились на консоли в гостиной, на камине, на комодe в спальне хозяйки и в коридоре на втором этаже, на рабочем столе в кабинете.

На них были изображены две женщины, непохожие друг на друга внешне, но обе в цирковой одежде. Часть фотографий, как определила Катя, относилась к началу прошлого века — примерно к десятым-двадцатым годам. На них была запечатлена женщина средних лет, на более поздних ей можно было дать уже все шестьдесят. Она снималась то в профиль, то смотрела прямо — породистое лицо, волевой подбородок, пышная прическа с локонами. Обсыпанное блестками цирковое платье в пол, на голове тиара с черным и белым пером по моде двадцатых. На других снимках — ранних, относящихся к десятым годам, — женщина сидела, снявшись на фоне то ли циркового занавеса, то ли бархатных штор — в тиаре и парчовом платье. На подставке рядом с ней — раскрытая книга и череп. Катя подумала, разглядывая снимок, что незнакомка напоминает ей сивиллу со знаменитой картины. На других фотографиях женщина снималась с цирковыми воронами на плечах, в костюме одалиски. Она улыбалась и смотрела так пристально и зорко, словно хотела что-то поведать — через время и расстояние. На фото двадцатых годов она, уже пожилая, сильно накрашенная, запечатлена в черном сатиновом клоунском цирковом трико. Она сидела на... электрическом стуле, пристегнутая к нему широкими ремнями за руки и за ноги.

Она смотрела прямо перед собой и торжествующе улыбалась.

Среди фотографий, расположенных на каминной полке, имелись и другие — не менее поразительного вида. Катя некоторые взяла даже в руки, чтобы детально рассмотреть. Юная девушка в белом платье и прозрачной свадебной фате. И надпись внизу по-английски: *The Phantom Bride*¹. На другом снимке именно она парила в воздухе в горизонтальном положении, повернувшись к зрителю и опираясь

---

¹ Призрак невесты (англ.).

локтем на длинную трубу — словно ангел Страшного суда на фресках. Призрак невесты поднялся над ареной примерно на полтора метра. Однако все это, конечно же, было фотографическим фокусом, результатом специальной обработки пленки. Так в тот момент решила Катя.

Еще имелся выцветший снимок цирковой афиши, раскрашенный в стиле «техноколор». Женщина, одетая одалиской, с ятаганом в руке. Катя смутно признала в ней ту самую даму с фотографий, хотя сходство было относительное. Рядом — обезглавленное женское тело с протянутыми в мольбе руками. Отрубленная голова на пьедестале улыбалась змеиной торжествующей улыбкой. И скелет, парящий в небесах, цепко вцепившийся мертвыми костяшками пальцев в лавровый венок. Надпись по-английски: «Аделаида Херманн. Великая магия».

На совсем уже затертом выцветшем снимке, испещренном трещинами, заключенном в овальную дубовую тяжелую рамку, был запечатлен цирковой укротитель на пустом манеже во время репетиции — в венгерке и сапогах, в окружении тринадцати львов и львиц, которые восседали на тумбах и высоких подставках за его спиной. Три льва лежали у его ног. На гриву самого большого льва укротитель поставил ногу в лаковом сапоге.

Однако все это составляло лишь часть обширной коллекции в доме Регины Гришиной. Еще более странная партия фотографий уже примерно тридцатых — пятидесятих годов представляла совсем другую женщину — яркую брюнетку с бледным напудренным лицом и накрашенными губами. На снимках, где ей можно было дать лет тридцать, она позировала тоже в костюме цирковой одалиски с воронами, сидящими на ее плечах и голове. На более поздних фотографиях она — уже постаревшая и обрюзгшая — стояла перед камерой как в цирковых костюмах, усыпанных блестками, так и в шелковых платьях с плечами. На двух снимках

фотограф запечатлел какой-то цирковой номер — постаревшая брюнетка, облаченная в костюм одалиски, правда, закрытый, в окружении помощниц и рабочих в униформе на манеже рядом с огромной вазой, полной воды. На другом снимке — целая группа людей, некий цирковой коллектив, окружающий брюнетку, превратившуюся из зрелой дамы в старуху с сильно напудренным лицом в парике цвета воронова крыла. Женщины и мужчины в цирковых трико и в обычной одежде — костюмах и платьях. На первом плане этого фото были дети — две девочки, постарше и помладше, и темноволосый маленький мальчик. У него, как и у брюнетки, на руке сидел цирковой ворон.

Два фото у кровати заставили Катю снова пристально и с какой-то даже неясной пока тревогой вглядываться в них. Фотография 1925 года (цифры намалевали на снимке в нижнем углу белой краской) изображала еще один странный цирковой коллектив — на фоне черных полотен где-то в парке с античными статуями снялись молодые люди — артистки в костюмах коломбин и волшебниц вокруг красивого молодого мужчины во фраке, сидящего в кресле. Он держал за кончики пальцев вставшую на цыпочки в балетной позе хрупкую брюнетку с атласной челкой, облаченную в костюм черного Пьеро. Артисты-мужчины, затянутые в черные трико, изображали символы смерти — скелеты.

Другой снимок оказался фотографией гравюры странного вида. Совершенно обнаженная женщина, закрывшая лицо веером из черных страусовых перьев. А у ее ног — крупная ящерица — то ли варан, то ли вообще что-то фантазмагорическое, вставшая на задние лапы и держащая в пасти конверт, запечатанный сургучом.

Катя, разглядывая фото, подумала, что она никогда бы не стала держать такие вещи у себя на прикроватной тумбочке, особенно ночью, когда в спальне гаснет свет...

Она внимательно осмотрела спальню — домработница Карла говорила про маленький гардероб, который Регина Гришина постоянно при ней закрывала на ключ.

Белые дверцы в нише спальни. Катя коснулась ручки, отчего-то радуясь, что на ней сейчас резиновые перчатки.

— Клю-ю-юч! — захрипел над Катиным ухом загробный голос. Едва не подпрыгнув к потолку, она обернулась.

Гектор — он вошел в спальню бесшумно. Стоял за ее спиной.

— Гек! У меня сердце... не смей ко мне подкрадываться в этом чертовом доме! Вы видели фотографии? Не соврала домработница — от некоторых прямо в дрожь бросает.

— Я вас потерял, Катя, я скучал. — Он сразу состроил гримасу — надулся (Гектор тот еще лицедей!), и голос его, столь изменчивый, то высокий, то низкий, обидчиво подетски дрогнул. — Мы с экспертом и Сеней на кухне судачили, а вы откололись от компании, наверху затаились. Фотки я видел. Чудесатые они. — Он взял с тумбы групповой снимок 1925 года. — Здесь изображена та же артистка, что и на других цирковых фотографиях из серии — сове-е-етский ци-и-ирк нуждается в слона-а-ах, — пропел он на мотив циркового марша. — Дамочка в костюме черного Пьеро, а на других снимках она уже старушка в парике и гриме.

— Есть фото еще одной цирковой артистки.

— Да, прям какой-то домашний цирковой музей наша покойница у себя собрала. — Гектор протянул руку в резиновой перчатке и легко открыл маленький гардероб в нише. Он не был заперт.

На двух верхних полках Катя увидела дорогие сумки — Луи Вуйтон, Шанель, Прада. Средняя и нижние полки пустовали.

— Жадная покойница запирала шкафчик от домработницы, боясь, что та стибрит у нее ее парадный it bag, — хмыкнул Гектор.

Внезапно он наклонился и поднял что-то с пола гардероба.

— А это что еще за дрянь?

На его ладони лежало нечто бурое и сухое, чешуйчатое, свернутое в комок. Гектор осторожно пальцем расправил находку.

— Похоже на змеиную кожу, — сказала Катя.

— Да, выползок. Вот хвост... а тут, пардон, лапки. Это кожа ящерицы.

Катя внезапно ощутила приступ тошноты. Глянула на снимок на прикроватной тумбочке, где голая женщина с верером и ящерица-варан.

— Скажите эксперту, пусть возьмет на исследование. И я попрошу Блистанова, чтобы он изъясил все фотографии.

— Зачем изымать старье? — Гектор пожал широкими плечами. — Снимков самой хозяйки дома только три, и все они в гостиной на каминной полке. Вы их видели?

— Наверное. У меня все уже перепуталось, — призналась Катя. — Здесь их столько... Покажите мне снимки Гришиной. А остальные я хочу забрать, потому что...

Она запнулась. Странное какое чувство.

Как там Карла говорила? *Дом влияет... Нет, не дом, а те, что на снимках, которые смотрят...*

— Почему? — спросил Гектор.

— Я попытаюсь узнать, кто на них изображен.

Они спустились в холл — гостиную, по которой рассеянно бродил капитан Блистанов, следуя за экспертом и его помощником по пятам. Гектор отдал кожу ящерицы эксперту, тот положил ее в пакет, повертел-повертел, сунул равнодушно к другим изъятым образцам.

Гектор показал Кате фотографии Регины Гришиной. На двух она была в черном деловом брючном костюме — где-то в Сити и в дорогом пальто на фоне сталинской высотки. Жилистая худощавая женщина неопределенного возраста